

МАСТЕР-ЛОМАСТЕР

МОСКОВСКОЙ премьеры пьесы Теренса Мак-Нелли «Мастер-класс» (перевод с английского О. Казаковой и Д. Вуйович) сопутствовал скандал. Иногда скандалы даже специально разыгрывают, чтобы взбудоражить публику. Но здесь, кажется, все случилось само собой.

Спектакль начинал репетировать известный молодой режиссер Иван Поповски (издания, поспешившие с анонсами, именно его назвали режиссером-постановщиком и даже дали короткие его интервью), а премьеру выпускал Виктор Шамиров, новая московская знаменитость. В программке фигурирует только одно его имя. История получила огласку, стали говорить, что Поповски не справился с пьесой и за две недели до премьеры Шамирова позвали спасать ситуацию. Вообще-то такое случается, но поскольку на «другом конце» фигурирует Иван Поповски, верится не очень. Говорят, что у Поповски было больше текста и больше музыки и голоса самой Каллас... К скандальным подробностям можно добавить еще, что ради роли Каллас Татьяна Васильева оставила две специально для нее придуманные роли — Дульсины и Аркадиной — в театре «Школа современной пьесы». Но все это теперь, когда можно посмотреть готовый спектакль, значения не имеет. Тем более что главные действующие лица остались прежними. Это Васильева, которая выходит на сцену в роли Марии Каллас, и продюсер спектакля Эльшан Мамедов. Именно их финансово-творческий союз — основа благосостояния спектакля. Пока, говорят, условия удовлетворяют актрису. Несмотря на то, что «особая благодарность» от имени «Независимого театрального проекта» господину, «который доверился молодому коллективу», в программке была аккуратно заклеена серебристым прямоугольником (и от имени спонсора «осталась» только Екатерина Каданникова, исполнительный продюсер), по слухам, известное акционерное общество потратило несколько десятков тысяч долларов (при почти полном отсутствии декораций; деньги шли в основном на оплату репетиций и помещений, где они проходили).

Получившийся спектакль часто напоминает теперь старый советский анекдот, в котором не слишком юный еврей приходил в поликлинику и требовал записать его к врачу ухо-глаз. Поскольку он слышит одно, а видит другое.

На сцене это выглядит следующим образом. Первая солистка, сопрано (в программке не было отмечено, которая же из трех), выходит в коротком платье, открывающем красивые ноги. Но

Татьяна Васильева на грани между фарсом и трагедией.
Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

по сюжету ноги, предельно обнаженные, должны быть, вероятно, не столь хороши. И Васильева — Каллас довольно грубо намекает ей на это и просит прикрывать в дальнейшем. Так же расхожись видимое и слышимое, когда по пьесе Каллас вынуждена похвалить то сопрано, то тенора (Станислав Виторн). Она говорит: «Замечательно!» — в то время как исполнение не слишком удается. Хотя, конечно, тенор поет лучше, чем говорит и вообще играет.

Неважное пение, конечно, могло удивить. Во-первых, спектакль все-таки на «вокальную тему». Во-вторых, во всех рассказах о готовящейся премьеры много говорилось о том, как долго и привередливо отбирали солисток, которым придется петь рядом с «драматической» Каллас — Татьяной Васильевой. Выбрали, может быть, и лучших, но выбирали скорее всего не из самых хороших. Какая хорошая солистка согласилась бы выступать в «подтанцовке», подыгрывая «не поющей» Каллас. К тому же условия работы не позволяли набрать несколько актрис, которые могут послать всех остальных. Только одна. В данном случае — Татьяна Васильева.

Все бы забылось, если бы описанные недостатки искупала игра

Татьяны Васильевой. Но она, как обычно, балансирует на, прощу прощения, у нее всегда не слишком тонкой грани между фарсом и трагедией, поскольку все в ней (начиная с национальности, которой она любит похвастать) сошлось таким образом, что быть ей трагикомической актрисой. Каллас же — в бродвейском варианте Теренса Мак-Нелли скорее мелодраматическая героиня — в таких резких гротескных нотах не нуждалась.

Спектакль хорошо начинается, актриса «выгодно» появляется — стремительно выходит на сцену и резко закидывает на стоящий чут в стороне помост свою сумку. Раздаются аплодисменты — ей, Васильевой. Она — от имени Каллас — обрывает их: «Не надо аплодисментов, мы собрались здесь работать, вы не в театре, это — класс, пение — дело серьезное, нужно зашучить рукава и работать...». Говорит тихо, спешно, нам, но одновременно и не нам, и не с нами (это взбадривает публику, которой отведена роль зрителей Каллас). Совершенно без интонаций, отказываясь от уже ставших штампом ее фирменных резких переходов из одного регистра в другой, — на одной ноте и на одном дыхании — как Шамиров-Треплев в «Чайке». «Я никогда не говорю громче, поэто-

му или садитесь ближе, или уходите... Что, испугались?» Довольно скоро все встанет на «свои места», вернутся штампы и перед нами, в очках, Татьяна Васильева будет играть хорошо знакомое — вздорную бабенку с надрывной речью, с оттянутыми, точно «обиженными», гласными в окончаниях слов, вдруг срывающуюся на неискреннюю истерику, — то есть все то, что так любят в ее манере игры.

Владимир Соколов, замечательный русский поэт, которого по другому случаю мне уже приходилось недавно вспоминать, мог написать: «Все у меня о России, даже когда о тебе». Так и у Васильевой — свои сквозные сюжеты. Даже когда она играет Каллас, главное будет — про член. В данном случае — про «толстый, необрезанный, греческий» — Онасиса. Васильева любит грубые ходы — и в режиссуре, и те, что можно выговорить словами.

Что хорошего было в спектакле? Хороший свет. Задник, придуманный для некоторого развлечения, — почти как у Боба Уилсона, он освещается то одним, то другим цветом. То зеленым, то оранжевым, то красным, как бы «переводя» музыку в цвет. Опять же — музыка и редкие, две на весь спектакль, записи Каллас (хотя, конечно, для прослушивания записей не стоило и затевать).